

➤ А. АФАНАСЬЕВ ◀

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

С КОММЕНТАРИЯМИ КУЛЬТУРОЛОГА
Ю. МИЛОВИЧ-ШЕРАЛИЕВОЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ТЕРНОРЪЕ

Lingua

Издательство АСТ
Москва

УДК 398.21(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6
А94

Настоящее издание представляет собой публикацию фольклорных материалов, собранных и исследованных А. Н. Афанасьевым в XIX веке. Сказки относятся к категории «заветных» и содержат непристойные, скабрёзные сюжеты и лексику, характерные для русской устной традиции того периода. Тексты публикуются в научно-популярных целях как памятник этнографии и истории культуры. Они не являются пропагандой неприемлемых форм поведения и каких-либо идей, не выражают мнение издательства и не направлены на оскорбление чьих-либо культурных, национальных, религиозных или личных чувств.

Афанасьев, Александр Николаевич.
А94 Русские заветные сказки / А. Н. Афанасьев. / [Автор предисловия и комментариев Ю. Р. Милович-Шералиева]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с.: ил. — (Фолк-кор. Подарочное издание).

ISBN 978-5-17-170930-3

Теневая сторона фольклора. Нецензурная классика.

Перед вами — самый радикальный фольклорный проект великого русского этнографа Александра Афанасьева. Параллельно своему каноническому собранию сказок он вёл работу над «заветным» (то есть сокровенным, потаённым) фольклором: откровенный эрос, циничная сатира на власть и попов, абсурдистский чёрный юмор. Это голос народной культуры, очищенный от цензуры, морализаторства и литературной обработки.

Почему это издание особенное:

- Избранные тексты в современной орфографии, сохраняющей всю силу и колорит народной речи.
- 15 подробных разборов сказок от автора книг и культуролога Ю. Р. Милович-Шералиевой, выступающих мостом между шокирующим текстом и сегодняшним читателем, раскрывают глубину и контекст.
- Эксклюзивные иллюстрации по мотивам сказок от художницы *терновье* предлагают новое, современное прочтение архаичных сюжетов.
- Элегантный подарочный формат: стильное оформление, качественная бумага, цветная лента ляссе и множество иллюстраций.

Книга станет ярким украшением книжной коллекции, а также послужит отличным подарком для ценителей русского фольклора и тех, кто готов смотреть на культуру без розовых очков.

УДК 398.21(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-17-170930-3

© Ю. Р. Милович-Шералиева,
предисловие, комментарии, 2026
© Иллюстрации. Терновье, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

- 8 От автора комментариев
23 Предисловие Я. П. Яфанасьева
ко второму изданию

СВЯЗКИ

- 30 Лиса и заяц
33 Воробей и кобыла
35 Медведь и баба
36 Волк
37 Мужик, медведь, лиса и слепень
39 Кот и лиса
41 Собака и дятел
43 Кошь и блоха

- 44 Пизда и жопа
- 45 Худо — не худо
- 47 Мой жопа
- 48 Дурень
- 49 Щучья голова
- 54 Болзливала невеста
- 60 Горлчий клап
- 61 Прибаўтки
- 63 Догадливал хозайка
- 64 Старческий стих
- 66 Семейные разговоры
- 70 Первое знакомство жениха
с невестой
- 73 Мужик и барин
- 75 Нет
- 78 Муж на лицах
- 81 Охотник и леший
- 83 Мужик и чёрт
- 87 Жена слепого
- 88 Мужик за бабьей работой

- 91 Тетерев
- 94 Архиерейский ответ
- 96 Посев хвѣв
- 100 Колшевное кольцо
- 108 Раззадоренная барыня
- 111 По-собачьи
- 114 Две жены
- 118 Стыдливая барыня
- 121 Сказка о том, как поп родил телѣнка
- 124 Поп и западня
- 125 Поп, попадьѣ, поповна и батрак
- 128 Поросянок
- 130 Духовный отец
- 131 Поп и мѣжник
- 134 Поповская семья и батрак
- 137 Загони тепла
- 140 Похороны кобеля
- 143 Суд о коровах
- 148 Жадной поп
- 151 Смех и горе

- 155 Чудесная мазь
- 158 Чудесная дядка
- 163 Пастух
- 165 Солдат, мужик и баба
- 168 Солдат сам спит, а хуй работает
- 169 Беглый солдат
- 171 Солдат решитит
- 172 Болтливая жена
- 175 Поп ржёт, как жеребец
- 179 Хитрая баба
- 183 Солдат и чёрт
- 184 Никола Дуплянский
- 188 Тёща и зять-дурень
- 189 Два брата жениха
- 193 Невеста без головы
- 200 Странные имена
- 202 Добрый поп
- 204 Битье об заклад
- 207 Каков л!
- 211 Купеческая жена и приказчик

КОММЕНТАРИИ

- 216 1. Лиса и заяц
- 222 2. Воробей и кобыла
- 226 3. Медведь и баба
- 229 4. Мужик, медведь, лиса и слепень
- 232 5. Волк
- 237 6. Щучья голова
- 243 7. Муж на лицах
- 249 8. Мужик за бабьей работой
- 253 9. Посев хвев
- 257 10. Волшебное кольцо
- 262 11. Раззадоренная барыня
- 265 12. Чудесная дядка
- 269 13. Поп ржёт, как жеребец
- 273 14. Хитрая баба
- 277 15. Купеческая жена и приказчик
- 282 Список литературы
- 284 Глоссарий

ОТ АВТОРА КОММЕНТАРИЕВ

Перед вами сборник сказок для взрослых. Возможно, эти понятия — «сказки» и «взрослые» — кажутся взаимоисключающими, но, вообще-то, сказки изначально служили не детям. Просто они формировались в то архаичное время, которое можно назвать детством человечества. Так как стилистика должна соответствовать содержанию (то есть, подача — сути), само собой сложилось, что метафорическое древнее мышление «детства человечества» хорошо подходит метафорическому мышлению любого ребёнка. Однако во времена наших пращуров такое поэтическое мировоззрение было свойственно и взрослым. Именно для них в сказках складывались поведенческие модели «как надо» и «как не надо» или же отражения существующих обрядов и ритуалов.

Конечно, со временем все ужасы и неприглядные стороны сказок были припрятаны, сохранив глянцевый вариант для наших детей. Ведь мы начали отдаляться от метафорического восприятия мира в пользу рациональности и стали слишком «взрослыми» по отношению к нашим в чём-то наивным и многоумудрым предкам, чтобы радоваться сказкам в солидном возрасте. Сегодняшние варианты детских сказок — это далёкая,

очень опосредованная модель бытия и образ действия. Но, чтобы понять всю подлинную глубину такой «модели», нам всё-таки приходится извлечь из укромных уголков оригинальные тексты. Этому и служат, в частности, представленные в данном сборнике «сказки для взрослых». Пусть вас не смущает их более чем смелая подача, если не сказать, даже обескураживающая. Это простонародная, пёстрая, порой шокирующая «одёжка» той подлинной сути, которая является основой любой культуры. Между прочим, как и в изобилии присутствующая в заветных сказках обценная лексика. Этимология всех «соромных», т. е. матерных слов такая же, как и у остальных: они родом из логически объяснимых функций, внешнего вида или применения тех понятий, которые обозначают. В комментариях к сказкам мы ещё вернёмся к подробному разбору.

Отойдём немного в сторону. Культура — слияние нескольких составляющих: художественной, религиозной, бытовой. В разных пропорциях эти компоненты всегда сопутствуют друг другу, отражая культуру той или иной эпохи или того или иного народа. Так сложилось, что понятие «культура» воспринимается как вершина человеческих возможностей и результатов его труда и противопоставляется бескультурью — хамоватости, необразованности, отсутствию морали, нравственности, стыда, приличий. Мы привыкли, что культура — это что-то художественное, даже высокохудожественное, что культура — это, прежде всего, искусство. *Религиозная* составляющая направляет на духовное понимание того, как надо. *Художественная* — как это можно рукотворно, разумно воплощать в идеале и к этому идеалу стремиться. А между тем, именно *бытовая* составляющая отчётливее всего отражает нашу жизнь, её развитие, всю повседневную реальность без прикрас.

Вот именно — без прикрас. То есть как есть. Это ли не самое ценное, честное, подлинное? Да, картины Возрождения показывают нам эстетические идеалы того времени — то, к чему стремились жители эпохи Ренессанса. Ну а что же осталось за ширмой этого стремления к идеалу, в бытовой рутине

ежедневности? Что сопутствовало воплощению этих идеалов? Простой быт, физиологичный, связанный с естественными потребностями человека — в еде, гигиене, отдыхе, развлечениях, взаимоотношениях полов, родителей и детей. Львиную долю бытовой культуры с частью художественной (с метафорами, эстетикой, композицией и т. п.) мы обнаруживаем в таких примерах, как анекдоты, прибаутки, шутки, уличные, ярмарочные представления, сценки, скетчи, фарсы. И вот эти самые сказки, сборник которых вы держите перед собой. Это то, что принято называть «низким жанром». В низких жанрах показаны совершенно привычные, рутинные дела и поступки, но под прессом представлений об искусстве они кажутся гротескными, острыми, сатирическими, скабрёзными. Образы в них становятся нарочитыми, выпуклыми, утрированными. Вспомните яркий грим и размалёванные физиономии уличных артистов. Одежда не по размеру, детали внешности, указывающие на какую-то кричащую черту персонажа. Слишком большой красный нос говорит, что перед нами пьянчужка. Чересчур накрашенный порочный рот — гулящая женщина. Толстяк с мясистыми губами и выпученными глазами — жадный хапуга. Однако стоит заметить, что если убрать эти низкие жанры, вся структура культуры развалится, будет неполноценной, ущербной, если вообще сохранится.

Такие сценки, как и заветные сказки, — как бы отражение жизни понарошку. А раз не по-настоящему, значит, в них можно отобразить всё, что душе угодно. А ей угодно поквитаться с обнаглевшими властью имущими и не соблюдающими заповедей представителями духовенства. Посмеяться над утратившими моральный облик «благочестивыми» женами и сладострастными изменниками-мужьями. Показать умственное, нравственное превосходство простого работающего мужика, солдата, батрака по отношению к ушлому, но глупому барину, потерявшему всякий стыд попу, зарвавшемуся купцу. Это обнажение недостатков, пороков, грехов, то о чём не принято говорить

в приличном обществе или высоком искусстве. Но и не говорить нельзя. Значит, придется говорить в обществе неприличном и с соответствующей подачей — непристойной.

Подобный сборник сказок — сатира, античный, древний подход к обличению разных сторон жизни. Подобно той же древней сатире, все поднимаемые темы тоже очень раритетные, исконные, как само человечество и самые первые его естественные проявления, потребности, стремления. Помните выражение: «Что естественно, то не безобразно»? Вот это оно.

И эти основные первотемы, которые всегда касаются любого человека, вне зависимости от уровня развития его культуры и географического положения, автор этой статьи предлагает условно назвать «четырьмя С»: Страсть, Страх, Смех, Смерть. Из этих «четырёх С» и их бесконечно многовариантного комбинирования родились все жанры в искусстве; на этом построена структура любого сценария, будь то реклама, пиар-компания в политике, бизнесе или медиа; от этого отталкиваемся мы сами в нашей повседневности. Либо действуя из страха, либо из страсти, либо ради отсрочки смерти или выдавливания смеха, который позволяет примириться с несовершенством бытия.

Заветные сказки А. Афанасьева начинаются как невинные бытовые сценки, но в итоге, доведённые до абсурда, разрешающиеся анекдотически, каламбуром, скабрёзные, постыдные, страшные, жестокие, отсылают нас к архаическому страху смерти, к правящим миром страстям. Они непрерывно высмеивают всё сакральное, скромное, постыдное, благодаря чему страх перестаёт довлеть над нами. Высмеянная смерть прячет своё жало. Осмеянная страсть освобождает от стыда, давая волю животворной силе народа. Помимо юмора и страстей, в сказках встречается и жестокость. И этому есть своё объяснение. Вообще, чередовать страшное со смешным — излюбленный приём фольклора. Жестокость и нарочитая грубость — отсылка к инициации. Переход на новый этап, возмужание, обретение зрелости, принадлежности к общей группе, защищённость,

принятие как своего — через страдание и мучение, через унижение и боль. Это частная жертва отдельно взятого человека. Подобные действия в древности и в любой культуре должны были приучить к абсолютному послушанию старшим, к существующей иерархии, порядку.

А ещё через демонстрацию отвратительного, ужасного, стыдного показана возможность избежать опасности и выжить. Инициация всегда была посвящением для младшего поколения. Это обряд, служащий ступенью развития в рамках общества. Сущность и цель инициации всегда и повсюду одни и те же, различаются лишь способы адаптации её к месту и времени. Корни обряда уходят в глубокую древность и прослеживаются в традициях многих народов. Инициация¹ как первобытный опыт, связанный с выживанием, всегда сопряжена с физическими мучениями, страхом смерти. Подростку, находящемуся на стадии перехода из детства во взрослую жизнь, нужно было донести, насколько важно беречь эту ценность — жизнь. Наиболее доходчиво получается объяснить ребёнку, что огонь опасен, если поднести его руку максимально близко к огню. Жестоко? Да. Страшно? Безусловно. Но только так он быстрее всего поймёт, что огонь не ограничится одним пальчиком. И инициация учит оберегать себя как личность и часть общества. Цикл инициации — древнейшая основа сказки. И заветная сказка, несмотря на всю свою игривость и абсурдность, — не исключение.

Другим циклом — кругом, обнаруживающим соответствие заветной сказки и волшебной, — является цикл представлений о смерти. В сказках вы увидите все составляющие типичной и привычной нам волшебной сказки: здесь и лес как вход в иное царство, и выдающий сущность героя запах, и фигура перевозчика-паромщика, и взаимодействие с лешим, чёртом, и далёкий путь на коне, лодке и прочее. То есть там, где мы со смехом и ужасом читаем, как герою косою сносят пя-

¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Ленинград: Издательство ЛГУ, 1986. — С. 56.

тую точку и он от потери крови умирает, по сути, встречаются те самые слагаемые древних обрядов и представлений. Это такой же культурный код, как аграрный обряд или классический миф. И бытовая, скабрёзная, шутливая подача лишь приближает такую сказку к действительности. Так что композиция и сюжет заветной сказки кроются в исторической реальности прошлого.

Более поздняя история даёт наслоения в виде конкретных узнаваемых фигур, вроде представителей духовенства, облечённых властью чиновников, генералов, купцов и т. п. И этому есть своё объяснение. История циклична, это мы помним. Но здесь есть важный момент: каждая новая эпоха отменяет предыдущую. Второй этап отрицает первый, а третий становится подобием слияния предшествующих двух. Так, человечество в естественной попытке найти баланс между этими противоположностями проходит через всю историю своего существования. Проследим закономерность: история человечества началась с хаотичной, связанной с природой первобытности. Затем следует упорядоченная Античность, с её композицией, перспективой, пропорциями, гармонией — в лице и теле человека, в здании, в природе, систематизации знаний, понятий о риторике, философии. Дальше наступает раннее Средневековье — эпоха догматического христианства, когда всё, касавшееся удовольствий тела, воспринималось греховным. И затем откат в иную реальность — в вольное Возрождение. И уже от этой чувственной вечеринки, затянувшейся на несколько столетий, человечество отбрасывается в новую противоположность: Просвещение, эру разума. И так далее.

Так вот, ещё на этапе прихода и установления христианства в языческой Руси произошло такое же столкновение двух противоположных периодов. Хаотичного, «детского» мировоззрения, метафорического сознания и восприятия себя и всего вокруг — с упорядоченным, сложным, христианским миром. Отзвуки старого были вытеснены монотеистической парадигмой. Их удавалось заглушать, но со временем стал очевиден

разрыв между идеями христианства и реальным положением вещей, которое часто бывало плачевно: духовенство, пользуясь властью, образованностью, правами, отнюдь не по-христиански вело себя по отношению к подавляемому народу. Народ — не дурак. Люди прекрасно видели, как порой представители духовенства, поступая противоположно тому, что должно нести христианство в мир, сами становились воплощением всего самого греховного. И не в «официальном», а в народном искусстве это находит своё отражение, потому что народ только так и мог добиться какого-то реванша. Всё это подано инвективно, обличительно, с юмором, экспрессией, чрезмерно — но это лишь приём для того, чтобы точно бить в цель.

Простые люди, от сохи, со всеми своими безобразными шутками и предосудительными поступками, оказываются чище и искреннее людей с высокоморальными речами, они — такие, какие есть. По этой же причине мы видим, как неприкрыто в заветных сказках показаны физиологичные нюансы взаимоотношения полов.

Животные¹ — часто встречающиеся персонажи заветных сказок — далёкий привет от тотемов, родовых покровителей, языческих духов, каждый из которых отвечает за то или иное качество, добродетель, порок. В европейской парадигме их назвали бы аллегориями, то есть представлением какого-либо абстрактного понятия через конкретный образ. Как, к примеру, мы видим это в «Божественной комедии» Данте, где лев символизирует гордыню и честолюбие, рысь — сладострастие, волчица — корыстолюбие, жадность. В наших сказках тоже всё весьма красноречиво. Так, лиса — плутовка! — излюбленный персонаж, в образе которого доминирует хитрость и склонность к обману. Волк чаще всего выступает в качестве антагониста, изображается как сильный, но глупый и жадный персонаж (хотя, к примеру, в сказке «Иван-царевич и Серый Волк» волк

¹ Животный эпос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. — М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, 2001. — С. 267.

представлен в качестве положительного персонажа, помощника главного героя).

Медведь — воплощение грубой силы, в положительном ключе он может быть этаким увальнем, наивным и глупым, вполне добродушным. В негативном варианте — свирепым и жестоким. Как царь зверей в народном контексте воспринимается своеобразным «жрецом» или старейшиной, альфасамцом, а поэтому — «мужем» для девушки, диким, необузданным. Между прочим, медведь, приснившийся барышне, согласно поверьям, означал скорое замужество.

Кот всегда демонстрирует игривый нрав, во многих сюжетах оказывается шалуном, разбойником, воришкой, с изворотливым умом, похотливостью. Один из самых известных литературных котов — Бегемот из «Мастера и Маргариты» — обаятельный наглец, хулиган и настоящий бандит. В конце романа Бегемот принимает своё истинное обличие: вместо кота появляется худенький юноша — молоденький демон-паж. По сути, это бунтующий подросток, если искать аналогии среди образов людей.

Противоположен ему робкий трусоватый заяц — слабый, доверчивый, но порой находчивый, что и позволяет ему улизнуть от опасности.

Петух во многих сказочных сюжетах — напыщенный бунтарь. Но есть и другая сторона: петух в сказках выступает мудрым помощником своих друзей или людей.

Все эти персонажи встречаются на страницах «Заветных сказок» — они словно сосуществуют на равных с человеческими героями, разговаривают, шалят, оказываются обличёнными в тех же пороках и безобразиях, на которые способны люди. Их присутствие в сказках, ещё и с антропоморфными свойствами (речь, поступки людей) тоже архаично и обусловлено всё тем же метафорическим сознанием наших пращуров, которые верили в их одушевлённость и силу, а также предполагали, что многие являются прародителями того или иного рода (тотем).